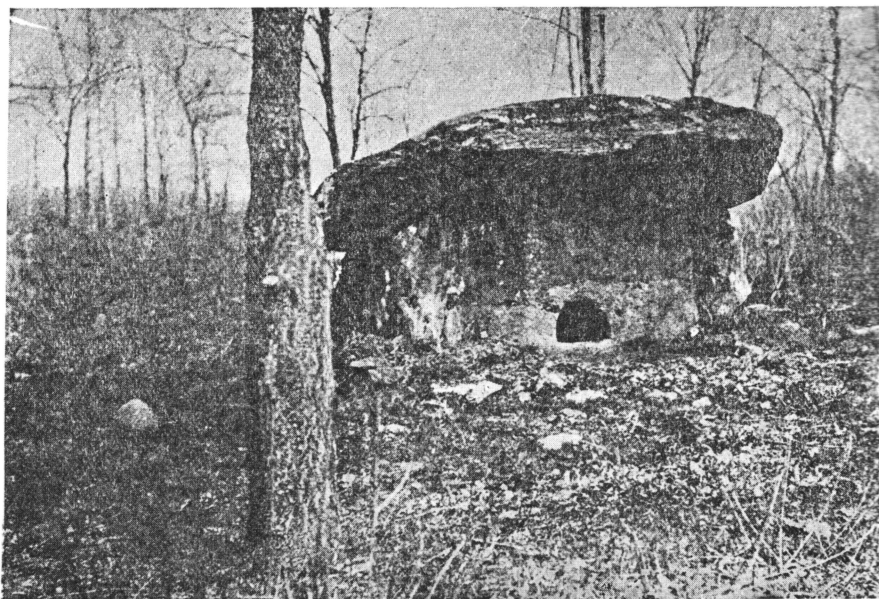

МЕГАЛИТИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ

К а в к а з а

Мегалитические памятники встречаются на Кавказе во многих районах и носят чрезвычайно разнообразный характер. Северокавказские долмены привлекли к себе внимание западноевропейских ученых уже в начале XIX столетия. О них говорят в своих работах *Bell—Journal of three years in Circassia* и *Dubois de Montpérix—Voyage autour du Caucase*, причем как тот, так и другой автор дают не только описание долменов, встречавшихся на территориях, заселенных черкесскими племенами, но и зарисовки этих весьма замечательных памятников. Северокавказским долменам повезло—им посвящено множество работ *Фелицына*, в частности обстоятельная монография, напечатанная в X томе «Материалов по археологии Кавказа»; о них неоднократно говорит *Е. Шаутге* в «*Recherches archéologiques dans le Caucase*». Особенное внимание привлекали к себе долмены черноморские, детально описанные и пронумерованные *Г. Сорхтиным* в № 1 «Записок Музея природы и истории Черноморского побережья Кавказа» (Новороссийск, 1916). Однако кубанскими и черноморскими долменами далеко не исчерпываются кавказские долмены, встречающиеся не только на Северном Кавказе и Черноморье, но и в ряде областей Закавказья. Из долменов Закавказья наиболее подробно описаны и зарисованы долмены Тальша, на западном побережье Каспийского моря. Им посвящена специальная глава тома IV «*Délégation en Perse*» *Ж. де Моргана*. Но, кроме тальшских долменов, в Закавказье долмены обнаружены в Гокчипском и Ахалкалакском районах. К тому же нельзя не согласиться с мнением *Байерна*, раскопавшего в семидесятих годах прошлого столетия могильники Самтавро (около Мцхета) и утверждавшего, что некоторые типы гробниц Самтавро по существу являются подземными долменами. Таким образом, уже в настоящее время можно утверждать, что на Кавказе долмены обнаружены: 1) на Черноморском побережье, 2) на Кубани, 3) в Тальше, 4) в Гокчипском районе, 5) в районе Ахалкалак, 6) в Мцхетском районе, 7) в Цалкинском районе (см. «Отчет по археологической поездке в Цинкаре» *А. Грена*, «Известия Кавк. отд. Московского арх. о-ва», выпуск 2, стр. 44).

Кавказские долмены чрезвычайно разнообразны по своему типу. Так, черноморские и кубанские долмены представляют собой правильно сложенные сооружения из огромных тесаных каменных плит,

Рис. 1. Долмен № 2 находится близ станции Каменоломной, расположенной в пяти километрах от станции Даховской у впадения в р. Белую речки Кожжух Глубокий. Кожжухский район, так же, как и Дегауйский, изобилует долменами. Долмены № 1 и 2 достаточно примитивны, однако в своей эволюции они далеко ушли от первобытных долменов, сложенных из глыб дикого камня и встречающихся как на Кавказе, так и на Западе

достигающих иногда 4—4½ м длины, 2—3 м ширины и 40—45 см толщины. По сравнению с долменами, сложенными из огромных необтесанных каменных глыб, черноморские и кубанские долмены представляются сооружениями весьма совершенными, явившимися результатом весьма длительной эволюции.

Долмены Закавказья несравненно более примитивны. Наиболее примитивными, повидимому, являются долмены Ахалкалакского района, изученные, заснятые и описанные тбилисским археологом Л. М. М е л и к с е т - Б е к о в ы м (работа еще не опубликована). Во многих случаях долмены, заснятые Меликсет-Бековым, фактически являются искусственным продолжением пещерных жилищ, их вестибюлем. К сожалению, впредь до опубликования работы Меликсет-Бекова, мы не имеем возможности подробно остановиться на ахалкалакских долменах. Однако не исключена возможность, что детальное изучение ахалкалакских долменов вскроет некоторые темные стороны вопроса о происхождении долменов вообще. Достаточно примитивными также являются долмены Талышского района, описанные Ж. де Морганом, и Гокчинского района. Один из этих долменов заснят и воспроизведен в работе акад. И. И. Мещанинова, посвященной циклопическим сооружениям Закавказья (Ленинград,

Рис. 2. Долмен № 2 может служить характерным образцом эволюции долмена, когда постепенно от цельных каменных плит стали переходить к нескольким плитам меньших размеров. Долмен № 4 на реке Жане, близ шоссе, идущего из Геленджика в село Пшады. Аналогичные долмены, сложенные из нескольких плит, сравнительно небольших размеров, встречаются также на притоке Верхней Кубани—Индьше. К сожалению, зарисовки, произведенные учителем Ханчковым (см. выпуск 13 «Сборника материалов для описания местностей и племен Кавказа») далеко не точны

1932. издание Государственной Академии истории материальной культуры).

Черноморские и кубанские долмены интересны не только своими достаточно правильными очертаниями, но и тем, что они являются результатом длительной эволюции сооружений, первоначально складывавшихся из громадных камней и не подвергавшихся никакой обработке. На Черноморье и на Кубани мы можем проследить дальнейшую эволюцию этих сооружений и зафиксировать, как постепенно огромные плиты уступали место плитам все меньших и меньших размеров, что вовсе не отражалось на размерах самого долмена. Увеличивалось лишь число плит, размеры которых все уменьшались и уменьшались. В данном случае чрезвычайно характерны два долмена, расположенные в 7 км от Геленджика, за первым железным мостом, на шоссе, идущем через Михайловский перевал в Пшады (где имеется ряд долменов), Архип-Осиповку и Туапсе. Долмены эти расположены, примерно, в 200 м друг от друга. Первый долмен сложен из 4 цельных боковых плит в 3—4 м длиной и перекрыт плитой в 3,6 м длины, 3,4 м ширины, 0,4 м толщины. Стены же долмена, стоящего рядом,

сложены уже из отдельных обтесанных камней. Точно так же из отдельных обтесанных камней сложен долмен, стоящий на площадке небольшого горного кряжа на правом берегу р. Жанэ. Длина отдельных плит колеблется от 0,40 до 1,25 м, высота достигает 0,40 м. т. е. в несколько раз меньше размеров плит долменов обычного типа. Однако эволюция долменов не остановилась на замене цельных плит несколькими плитами крупных размеров. Она пошла дальше, чему наглядным примером служат склеповые сооружения, встречающиеся в верхнем бассейне Кубани, в Баталпашинском районе. Эти склеповые сооружения находятся в непосредственном соседстве с районами, в которых распространены долмены, и являются прямым их продолжением. Впрочем, изменился не только материал, из которого сложены эти долмены, изменилась также и форма отверстия, находящегося на лицевой стороне сооружения: из круглого отверстие сделалось четырехугольным. Связь и преемственность между различными типами долменов, находящихся на Черноморском побережье и в Кубанском районе, неоспоримы, так как все эти памятники расположены в одних и тех же районах и часто в непосредственной близости друг от друга. Поэтому мы можем смело утверждать, что в начальной стадии своего развития долмены Черноморья и Кубани воздвигались из больших цельных плит, которые, в конце концов, уступили место плитам значительно меньших размеров (долмен Жанэ и долмен, находящийся в 7 км от Геленджика). В свою очередь долмены, сложенные из цельных тесаных плит, явились результатом длительной эволюции первоначальных долменов, сложенных из необтесанных глыб дикого камня. Эволюция эта, конечно, должна была потребовать много тысячелетий, что необходимо учитывать при определении возраста кавказских долменов.

Однако эволюция северокавказских долменов не остановилась на замене цельных плит плитами небольших размеров. Она пошла дальше и продолжалась вплоть до нашего времени, так что можно смело утверждать, что многие из склеповых сооружений Северной Чечни и Хевсуретии являются непосредственным продолжением склеповых сооружений, находящихся на хребте, окаймляющем ущелье р. Кефар, и в ущелье р. Индыш. К таковым относятся: 1) склеповые сооружения покинутого городища Упейди, на р. Аргун, лежащего несколько к югу от чеченского аула Джарега у самой границы Пирикительской Хевсуретии; 2) склеповые сооружения местечка Анатори, лежащего в 4 км к северу от хевсурского селения Шатиль, на слиянии Аргуна, носящего в пределах Хевсуретии название Шатилис-Цкали (Шатильская вода), с потоком Андакис-Цкали (он же Ардотис-Цкали); 3) некоторые из склеповых сооружений покинутого замка Муцо (Пирикительская Хевсуретия); 4) некоторые склепы хевсурского селения Ардоти. Все эти склеповые сооружения сложены из тонких сланцевых плит, но формы их идентичны формам долменов, сложенных из небольших каменных плит района ущелий р. Кефар и р. Индыш.

Таким образом, мы вправе утверждать, что обычай воздвигать долмены и склеповые сооружения охватывает на Кавказе огромный

Рис. 3 и 4. Склеповые сооружения, расположенные на вершине горного хребта, окаймляющего слева приток Бол. Зеленчука Кефар, служат образцами дальнейшей эволюции долменов, когда цельные каменные плиты уступили место нецельным плитам, причем последние становились все более и более мелкими, что привело к изменению формы отверстия, проделанного в передней плите долмена—из круглого оно становится четырехугольным

период времени. Судя по последним изысканиям, долмены Черноморья относятся к 2500—1200 гг. до нашей эры. Эволюция, которую проделали склеповые сооружения долменообразного типа, с момента замены цельных плит плитами все меньших и меньших размеров, вплоть до сланцевых плит, охватывает период времени, не меньший, чем 3 000 лет (с XII столетия до нашей эры вплоть до конца XVIII и начала XIX столетий). Не меньший период времени, наверно, потребовала эволюция, имевшая место с момента сооружения долменов из необтесанных глыб дикого камня до их сооружения из больших тесаных плит. Таким образом, без большой натяжки можно предположить, что появление первых долменов на Кавказе должно быть отнесено минимум к пятому или шестому тысячелетию до нашей эры, т. е. к периоду неолитическому или к концу неолитического периода. Однако пока не будет произведено тщательное обследование мегалитических памятников Кавказа в целом, подобные исчисления являются вполне гипотетическими.

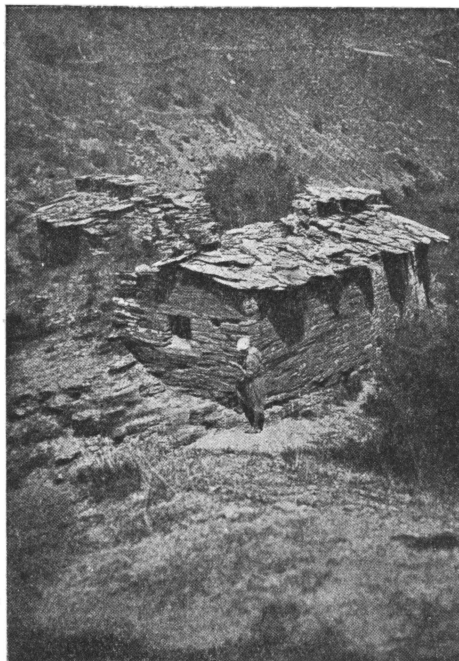
Закавказский мегалит может быть косвенным образом датирован находками, сделанными в курганах Сузианы. В этих курганах, относящихся к пятому тысячелетию до нашей эры, были обнаружены орудия из алагезского обсидиана (см. J. de Morgan: 1) статью «Les stations préhistoriques de l'Alagheuz» в «Revue d'anthropologie de Paris», июнь 1909, 2) главу из «L'Humanité préhistorique», посвященную международному обмену).

Менгиры, каменные аллеи, кромлехи чрезвычайно распространены в Закавказье. Они встречаются в Зангезуре, в районе реки Базарчай, в Даралагезе, в районе Алагеза, Караклиса. Менгиры весьма многочисленны в бассейне р. Храм, в Ахалкалакском районе и т. д. Христианизация менгиров получила широкое распространение как в Грузии, так и в Армении. Можно смело утверждать, что огромное большинство так называемых крестовых камней (по-грузински квисджвари, по-армянски хачкары) являются не чем иным, как христианизированными менгирами. Весьма любопытны менгиры, находящиеся в верхнем бассейне р. Кубани, описанные В. С. Соевым, заснятые и зарисованные Е. Д. Фелицыным и Г. И. Куликовским (см. «Материалы по археологии Кавказа», т. VII, статью «Поездка на реки: Кубань, Зеленчуки, Теберду летом 1895 г.»). Здесь, в ущельях Верхней Кубани, Б. Зеленчука и Теберды, находятся ряд менгиров, достигающих часто 5—6 м высоты. Большая часть их христианизирована, притом, повидимому, не позже X—XI вв., так как на многих из христианизированных менгиров встречаются греческие надписи, которые могли быть начертаны лишь только тогда, когда в этих районах еще было сильно влияние Византии. Менгиры вплоть до наших дней служат и служили на Кавказе объектами культа. Так, еще в девяностых годах прошлого столетия в 1 км к западу от селения Белый Ключ (Ак Булах), служившего тогда штаб-квартирой Грузинского гренадерского полка, стоял менгир, имевший форму цилиндра. К менгиру стекались богомольцы со всех сторон Закавказья. В день Ивана Купала справлялось особое празднество. Понадобилось специальное распоряжение местного ду-

ховенства, чтобы положить конец подобным паломничествам. Другой весьма любопытный менгир, но только христианизированный в XI в., находится в 6 км от Белого Ключа около крепости и городища Самшвильдэ. Менгир этот стоит в особой часовне и, повидимому, связан с фаллическим культом. Ему еще до недавнего времени приносили в жертву петухов и баранов, а женщины на коленях обходили часовню, целуя каждый из ее углов. В праздник Успения в часовне у менгира, на котором выгравированы символическое изображение Голгофы и распятого креста, а также армянская надпись князя князей Сумбата, датируемая 1065 г., справлялось особое богослужение. День этот является как бы храмовым праздником часовни и менгира. Самшвильдский христианизированный менгир имеет 2,25 м высоты и 0,7—0,9 м ширины. В этом же районе, по соседству с самой крепостью, находится другой, нехристианизированный менгир несколько меньших размеров.

Весьма интересный христианизированный менгир находится в верхнем бассейне р. Храм, около селения Санта, Цалкинского района. Менгир этот—овальной формы. В верхней его части высечен крест. По мнению местных жителей, менгир этот обладает целебными свойствами—на него возлагают слабых детей.

Верования и культы, связанные с менгирами, в недалеком прошлом сохранились кое-где на Кавказе. В Ингушетии они носили ярко выраженный фаллический характер. Фаллический же культ воздавался ряду менгиров в Ахалкалакском районе и в Зангезуре, причем в некоторых районах последнего донны сохранилась особая ритуальная одежда, в которую облачались женщины, справлявшие этот культ. К сожалению, не существует систематического описания культов камней на Кавказе. Однако даже по тем немногочисленным записям, которые имеются в настоящее время, можно смело утверждать, что эти культы в общем вполне аналогичны культам, существующим ныне или существовавшим еще недавно во Франции

Рис. 5. Долменообразные склепы местечка Анатори, находящегося в Пирикительской Хевсуретии на слиянии потоков Шотилис Цкали с Андакис Цкали. По существу склеповые сооружения Анатори вполне аналогичны склеповым сооружениям хребта, окаймляющего приток Бол. Зеленчука Кефар

Рис. 6. Долменообразный склеп селения Ардоти (Пирикительская Хевсуретия, ущелье р. Андакис или Ардотис Цкали)

(см. статью P. Sebillot—Le culte des pierres en France, «Revue de l'école d'anthropologie de Paris», V, VI, 1902).

Весьма любопытно отметить, что сплошь да рядом приношения, оставляемые у менгира верующими, бывают вполне аналогичными как во Франции, так и на Кавказе. Так, например, девушки, справлявшие у менгиров, находящихся в местечках Монто и Меле (департамент Иль э Вилань), весьма характерный обряд скольжения (glissade), помогающий им выйти замуж в течение года, возлагают на камень кусочки материи и ленты (обычай возлагать на крестовые камни кусочки материи существует также во многих местах Закавказья). В департаменте Нижней Луары в первой половине XIX столетия девушки, желавшие выйти замуж, клали в трещинки менгира Лон Бое клочки шерсти и амулеты; люди обоего пола, стремившиеся жениться или выйти замуж, еще в 1902 г. втыкали или возлагали гвозди и булавки в трещины и впадины менгира, находящегося в департаменте Сены и Марны, в долине Люнэна. В конце XVIII в. ежегодно на заре 15 августа женщины Круассика (Бретань) уходили из своих домов и с громкими криками, держа друг друга за руки, направлялись к менгиру Лонг Пьер, вокруг которого танцевали все утро, водя хороводы. Аналогичные же верования и приношения можно было наблюдать еще в недавнее время во многих местах Кавказа и Закавказья.

Рис. 7. Группа склепов покинутого селения—замка Муцо (Пирикительская Хевсуретия, ущелье реки Андакис Цкали)

Вот что, между прочим, сообщал о менгире, находившемся около Белого Ключа, и о христианизированном менгире Самшвильдской часовни В. Т е п ц о в, записавший в 1890 г. местные легенды:

«В версте от Белого Ключа, к западу, стоит священный камень. Внизу у основания камень имеет форму цилиндра... Он как бы врыт в землю и, если это правда,—повидимому, на немалую глубину. Часть его над поверхностью более сажени высоты. Говорят, что и в глубину он врыт на столько же; диаметр— $1\frac{1}{2}$ аршина. Камень окружен оградой из булыжника, ничем не сцементированного. Несколько лет тому назад к камню стекались богомольцы из разных мест Закавказья. Сюда привозили больных для поклонения истукану. Летом, в день Ивана Купала, здесь собирался громадный табор богомольцев. Овцы и телята десятками приносились в жертву бгу и камню... Камни подобно описанному, не редкость в здешнем крае: их можно встретить почти в каждой древней церкви (преимущественно в армянских), где они служили престолом. На некоторых из них сохраняются еще древние надписи и рисунки. В развалинах крепости «Самшвильды» (sic) в трех верстах от Белого Ключа к югу есть древняя армянская церковь, в которой раз в год, 15 августа (разрядка моя—В. Х.), совершается торжественное богослужение. В этой церкви около северной стены стоит тоже огромный камень, украшенный надписями и рисунками (армянские надписи XI и

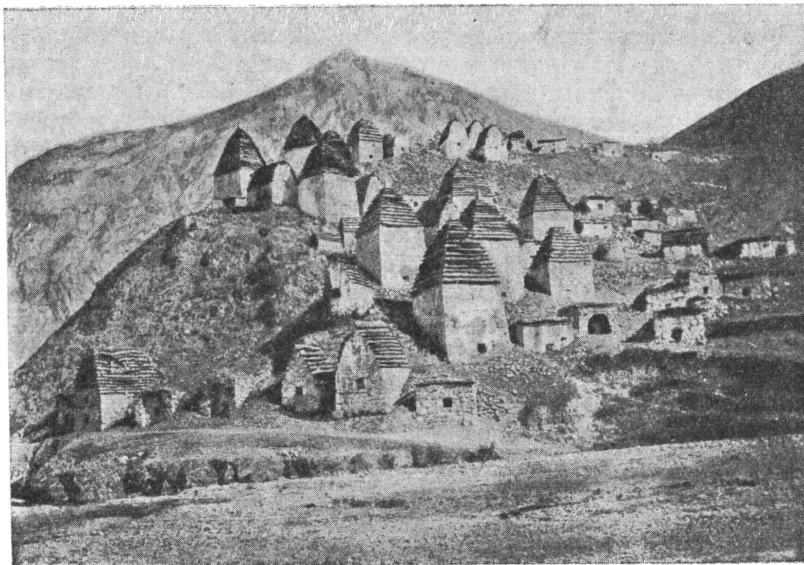
XVI вв.—В. X). Говорят что эти надписи нельзя прочитать; они будто бы, составлены из многих языков. Камень этот, по преданию, в том виде, как он есть, вышел сам из недр земли во времена глубокой древности. На поклонение этому камню стекаются сотни народов разных наций, и особенно армян. Камень украшается дорогими материями, разноцветными лентами, цепочками, кисеей. Десятки восковых свечей теплятся перед ним, как перед образом.

Таким образом, можно смело утверждать, что мегалитические памятники и верования, связанные с ними, на Кавказе и Западе представляют множество аналогий и, по всей вероятности, соответствовали одинаковым стадиям общественного развития. Только на Кавказе культы, связанные с мегалитами, оказались в силу ряда местных условий более живучими и более устойчивыми. К тому же на Кавказе наблюдается характерная эволюция в развитии самих мегалитических памятников, эволюция, отсутствующая, по видимому, на Западе, что придает особенный интерес кавказскому мегалиту. Выше указывалось на эволюцию долменов Северного Кавказа. По видимому, аналогичную эволюцию можно в некоторых случаях проследить и для кавказских менгиров. Ведь, на самом деле, чем является по существу знаменитый качающийся столб Татевского монастыря (Зангезур, Армения), как не весьма своеобразной эволюцией менгира?

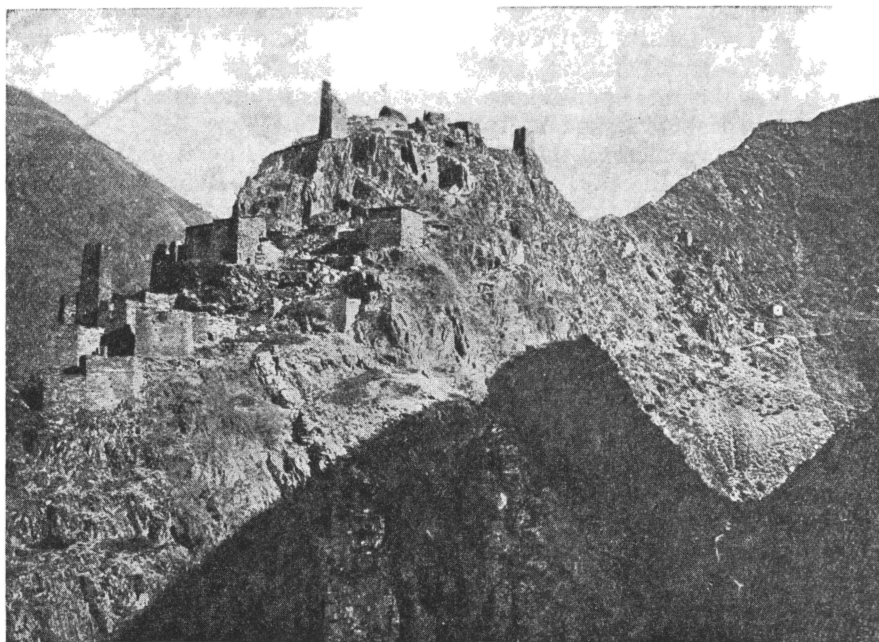
Любопытно отметить, что легенды, связанные с менгирами, часто бывают совершенно одинаковыми в самых различных областях Закавказья. Так, по соседству с селением Татев (Зангезур), несколько к северо-востоку от него, стоит весьма характерный христианизированный менгир с высеченным в верхней части крестом. Менгир этот носит название Крест-ворона, и с ним связана известная легенда о вороне, свалившейся в котел, в котором варили пищу и в котором оказалась огромная змея. В Грузии, между селениями Ахалсопели и Шавшеби, расположенными около города Гори, имеется церковь Каввис-сакдари (Воронья церковь); в ней стоит аналогичный татевскому менгир, с которым связана аналогичная же легенда. Подобных примеров можно привести множество. Они, конечно, указывают не только на широкое распространение в Закавказье воздвигнутых камней, но и на аналогичные верования, связанные с ними.

Каменные аллеи и кромлехи также получили широкое распространение в Закавказье, в частности в Армении, где они обычно носят характерное название «гошун-даш»—камни-войско. Гошун-даши встречаются в Зангезуре, в бассейне Базар-чая, в Аштаракском районе, около Кировакана (Караклиса). Караклиссские гошун-даши заслуживают особого внимания. Они находятся в 2—2½ км от Караклиса, в урочище Гошун-Даш, буквально усеянном камнями различной величины и формы. Наибольшие из них достигают 2½—3 м высоты. Воздвигнутые камни образуют ряд кругов, имеющих

¹ В. Т е п ц о в—Ак-булахские легенды. Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, вып. 9, стр. 137—138, Тифлис, 1890.

Рис. 8. Некрополь сел. Даргавс (Сев. Осетия)

Рис. 9. Покинутое селение—замок Муцо. В глубине склепы, носящие в Хевсуретии название экалдамы, а в остальной Грузии—акалдами

в диаметре от 10 до 25 м, посреди которых находятся небольшие курганы, сложенные из мелких камней. В воздвигнутых камнях сплошь да рядом просверлены одно или несколько отверстий.

Долмены и менгиры, каменные аллеи, кромлехи Кавказа и Закавказья в общем идентичны мегалитическим памятникам, встречающимся на Западе. Однако среди мегалитических памятников Кавказа имеется характерный вид, не встречающийся на Западе. Я говорю об огромных изваяниях каменных рыб—вишапах. Из современных ученых на вишапах впервые, в 1911 г., остановил свое внимание покойный академик Н. Я. Марр (вишапы, по-грузински гвелашапы, известны грузинскому географу XVIII в. царевичу Вахушти). В речи, произнесенной в 1911 г. и опубликованной в виде отдельной брошюры «Кавказ и памятники его духовной культуры», Москва, 1919, акад. Н. Я. Марр привлек внимание к вишапам, обнаруженным на возвышенности Гехамы, расположенной к юго-западу от озера Гокча. Гехамские вишапы—огромных размеров и часто превышают 4 м длины. Как совершенно правильно определил Н. Я. Марр, вишапы восходят к глубокой древности и предшествуют проникновению халдской культуры в Закавказье (X в. до нашей эры). Предположения Н. Я. Марра нашли новое подтверждение в дальнейших работах, в частности в работе акад. И. И. Мещанинова—«Каменные статуи рыб—вишапы на Кавказе и в Северной Монголии» напечатанной в «Записках коллегии востоковедов», т. I, Ленинград, 1925. Как доказал акад. И. И. Мещанинов, с вишапами связан культ халдского бога Теишбы, культ, существовавший в Центральном Закавказье до халдских проникновения и колонизации областей, лежащих между озером Гокча и Араксом.

Вишапы встречаются не только в Закавказье, но и на Северном Кавказе, в бассейне р. Кубани, в станицах Усть-Лабинская и Зубовская, а также в Монголии (см. цитированную работу И. И. Мещанинова). Культ, воздаваемый изваяниям рыб, наблюдается также у эскимосов и в Океании (см. Georges Hervé—Des pierres-figures au point de vue ethnographique, «La Revue de l'école d'anthropologie de Paris» за март 1909 г.).

Культ вишапов сохранился в некоторых местах вплоть до недавнего времени, как это показал в своей весьма любопытной статье покойный профессор В. А. Гурко-Кряжин—«Циклопические сооружения Закавказья», напечатанной в № 15 «Нового Востока». Вишاپ описанного Гурко-Кряжиным городища христианизирован, и ему придан вид креста, носящего занятное название «Каменная невеста» и лежащего на гребне хребта Бедени. При внимательном рассмотрении этого весьма замечательного памятника ясно прослеживаются формы изваяния в виде огромной рыбы.

Как справедливо указывал В. А. Гурко-Кряжин, вишапы должны быть отнесены к мегалитическим памятникам. По своим размерам, характеру, времени они вполне сливаются с кавказским мегалитом. Вишапы отчасти позволяют датировать закавказский мегалит.

Рис. 10. Менгиры ущелья Бол. Зеленчука близ развалин древних церквей. Менгир слева является христианизированным

Как уже указывалось, академики Марр и Мещанинов установили, что культ вишапов, а стало быть, и их изваяния относятся до халдского проникновения в Закавказье, т. е. до X в. до нашей эры. Таким образом, мегалитическая культура, получившая столь широкое распространение и так богато представленная на Кавказе, должна быть отнесена к раннему металлическому, энеолитическому и, возможно, неолитическому периоду. Культура эта носит самобытный характер и указывает на высокую степень развития. Чем объясняется последняя? Повидимому, прежде всего, тем, что, в частности, Закавказье в неолитический, энеолитический и ранний металлический периоды обладало необходимым материалом, спрос на который был весьма велик как во всей Передней Азии, так и в Египте, а именно: обсидианом, медью и оловом (месторождения последнего обнаружены за последние годы в Западной Грузии, в бассейне р. Дзирула). Закавказский обсидиан, в частности, получил распространение не только в Месопотамии, но и в Сузиане, на что указывал в ряде своих работ еще в начале девятисотых годов Ж. де Морган, изучивший алагезские месторождения обсидиана. Добычей обсидиана объясняется также значение Цалкинского района и отчасти

направление древних путей Закавказья, проходивших через этот район в сторону Малой Азии¹.

К мегалитическим памятникам должно быть бесспорно отнесено большинство так называемых циклопических сооружений и крепостей Закавказья, где их встречается чрезвычайно большое количество. Большая часть циклопических сооружений Закавказья еще не описана и даже не зарегистрирована. Циклопические крепости встречаются в ряде районов Грузии, Армении и Азербайджана. Более или менее подробно описаны крепости Гокчинского, Ахалкалакского, Цалкинского, Манглисского и Юго-осетинского районов. Циклопическим крепостям и сооружениям этих районов посвящено несколько статей и монографий И. И. Мещанинова, Л. М. Меликсет-Бекова, В. А. Гурко-Кряжина, А. И. Ростомова (последняя — в начале девятисотых годов). Что заставляет отнести циклопические сооружения к мегалитической эпохе? Прежде всего — их кладка. Кладка крепостных сооружений Закавказья достаточно хорошо известна, и она позволяет датировать различные памятники. Так, в период, непосредственно предшествовавший русскому завоеванию, крепости и замки Грузии обычно сооружались из булыжника на цементе или же из смешанного материала — булыжник и кирпич. Кирпич в качестве главного строительного материала преобладает в персидских сооружениях XVII и XVIII вв. Крепостные сооружения XIV—XVII вв. воздвигались преимущественно из дикого камня на цементе, IX—XIV вв., в эпоху расцвета армяно-грузинского феодализма, — из хорошо обтесанного и пригнанного камня. В более раннюю эпоху встречается кладка византийского типа, которой предшествует сухая кладка из довольно крупных необтесанных камней; эта последняя в свою очередь была конечным этапом длительной эволюции циклопической кладки. Как совершенно правильно указывает в своей монографии «Циклопические сооружения Закавказья» акад. И. И. Мещанинов, крепости сухой кладки из огромных каменных глыб должны были предшествовать в Закавказье проникновению халдов в области, расположенные к северу от р. Аракса, и их колонизации (X—VII вв. до нашей эры). Именно таковыми должны были быть крепости и замки, о покорениях которых сообщают нам халдские надписи.

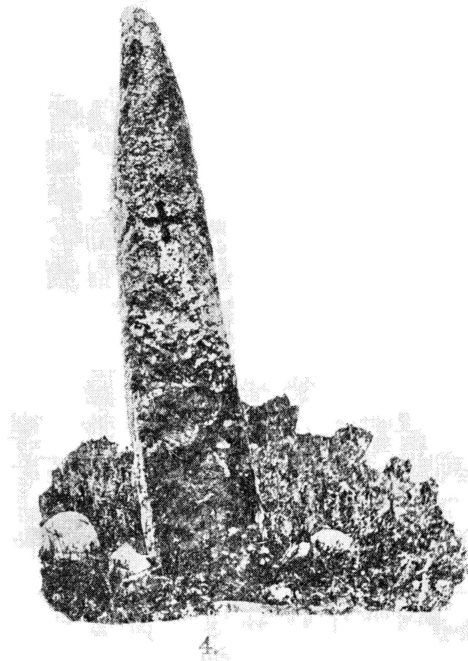
Эти крепости относятся к эпохе родового строя. Территории, занятые отдельными племенами, должны были быть тогда крайне ограниченными, причем весьма вероятно, что в каждом городе-крепости, городе-акрополе сидел царек. Только при такой организации возможно объяснить наличие огромного количества «царств», о завоевании которых говорят халдские надписи. Очень часто циклопические крепости служили, повидимому, не местом обитания, а убежищем, куда уходили на время вражеского нашествия. Так как при родовом строе эти нашествия не могли быть длительными и носили скорее всего характер набегов, подобные крепости-убежища нахо-

¹ О направлениях древних путей Закавказья через Цалкинский район см. уже цитированную работу В. А. Гурко-Кряжина.

дились часто на высоких горах, совершенно недоступных для обитания в зимнее время. К таким крепостям-убежищам должно быть отнесено циклопическое сооружение, находящееся почти на вершине горы Малый Абул (Ахалкалакский район) на высоте более, чем 2 500 м над уровнем моря. Ахалкалакский район суров и многоснежен. Зимы чрезвычайно суровы уже на высоте 1 500 м. Какова же должна была быть зимой жизнь на высоте 2 500 м? С уверенностью можно сказать, что она была невозможной как для осаждающих, так и для осаждаемых. Поэтому надо заключить, что ряд циклопических крепостей носил, так сказать, сезонный характер: в них укрывались на короткое время, чтобы переждать нашествие врага, обычно также бывшее кратковременным. К тому же, конечно, циклопические сооружения, не скрепленные цементом, вряд ли могли бы выдержать длительное действие стенобитных орудий. Брешь же, раз пробитую в циклопических сооружениях, было бы чрезвычайно трудно заделать в короткий срок.

Однако, наряду с крепостями-убежищами, существовали и крепости-города, вернее городские акрополи, куда уходило на случай осады население, постоянно жившее вокруг них. Именно в таких крепостях-городах должны были находиться царьки, которых в бесчисленных количествах покоряли халдские завоеватели.

Циклопические сооружения Закавказья проделали весьма сложную эволюцию двойного характера. С одной стороны, огромные необтесанные глыбы уступили место огромным обтесанным плитам, хорошо пригнанным и даже скрепленным друг с другом. Стены, воздвигнутые подобным образом, могли с успехом выдержать даже действие стенобитных орудий (эволюция от необтесанных глыб к обтесанным плитам большого размера напоминает, между прочим, эволюцию, которую проделали на Кавказе долмены). Образцом по-

Рис. 11. Христианизированный менгир со сложным орнаментом, изображающим Голгофу и расцветший крест с армянской надписью XI в., находящийся в часовне, посвященной божьей матери в четверти километра от замка Самуишвиляда

добных сооружений может служить Артанучская крепость, находящаяся в Шавшети (Турецкая Грузия). Как известно, Артануч играл крупную роль в истории Грузии почти вплоть до конца арабского владычества, т. е. примерно до X в. нашей эры.

Таким образом, циклопическая кладка продержалась в Закавказье вплоть до феодального строя (возможность существования подобной кладки в эпоху раннего феодализма допускает И. И. Мещанинов, см. его «Циклопические сооружения»). Однако она требовала слишком большой затраты дешевого труда и могла существовать лишь при труде рабском, а потому вместе с развитием феодализма она повсеместно вытесняется более легкой кладкой византийского типа из небольших, хорошо обтесанных каменных брусков, скрепленных цементом. В Закавказье замена эта должна была произойти в широком масштабе уже в первые века нашей эры.

Другой путь эволюции циклопической кладки в Закавказье привел к постепенному уменьшению каменных глыб, из которых воздвигались крепости сухой кладки. Характерным образчиком подобной замены могут служить остатки стены сухой кладки, находящейся в районе Топлисской крепости, сооруженной на Сололакском кряже в XVII в. персами. Подобная сухая кладка из сравнительно небольших глыб необтесанного камня крайне несовершенна и неспособна выдерживать действие стенобитных орудий. Она должна была исчезнуть в Закавказье в тот момент, когда на его территории стали производиться персами и византийцами длительные военные операции, т. е. в IV и V вв. нашей эры.

Примерами циклопических сооружений Закавказья могут служить крепость на Эйнал-Тахтинском перевале (Азербайджан), крепость в Кызыл-Тамуре, Нор-Баязете, Колагране, описанные и заснятые И. И. Мещаниновым (см. его «Циклопические сооружения Закавказья»), циклопические городище и крепость, описанные В. А. Гурко-Кряжним («Новый Восток», № 15), крепость на горе М. Абул (2780 м), описанная И. Г. Ростомовым в статье «Ахалкалакский уезд в археологическом отношении» («Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа» выпуск 25), сооружения в Галат-Коу в Юго-Осетии (см. статью Л. М. Меликсет-Бекова в сборнике «Юго-Осетия», «Труды Закавказской ассоциации востоковедения», Тифлис, 1925), остатки крепости Самеба и городище Самшвильдэ, Белоключинского района (для Самшвильдэ необходимо указать, что оно, как крепость и город, просуществовало вплоть до XVIII в. Однако наличие характерных мегалитических памятников смело позволяет отнести возникновение Самшвильдэ, как места обитания, к эпохе расцвета мегалитических сооружений, о чем подробнее будет сказано ниже).

Остатки мегалитической крепости на горе Самеба весьма характерны. Они хорошо известны грузинскому географу начала XVIII столетия, царевичу Вахушти, у которого носят характерное название Гмирт-Наквети—строения великанов. С ними, а также с часовней, сооруженной посреди них, связан ряд легенд, из которых одна, легенда о борьбе троицы (Самебы) с дэвом, передана грузинским архео-

Рис. 12. Небольшой менгир, находящийся на горе, возвышающейся к северо-западу от современного селения Самивильда, расположенного на правом берегу Чинчи

Рис. 13. Гошун-даши—«камни-войско», находящиеся в районе Герюос на р. Базар-чай (Армения, Зангезур)

Рис. 14. Христианизированный менгир с армянской надписью XI в.

логом Е. Такайшвили в «Известиях Кавказского отделения Московского археологического общества», выпуск 1, Тифлис, 1904. В данном случае для определения эпохи существования циклопических сооружений в Закавказье, особый интерес представляют заключительные строки статьи Е. Такайшвили—«Грузинские памятники Белого Ключа «Самеба»: «Вершина Самебы была до распространения христианства местом религиозных обрядов зороастровской религии. Посреди площади на Самебе выступает длинный, плоский природный камень, на котором, вероятно, приносились жертвы служителями Ормузда. Приведенная легенда носит явный характер дуализма: в ней перемешаны черты религии Зороастра с христианскими понятиями. Роль Агура-Мазды перенесена на св. тронцу. Петух—священная пти-

ца религии Зороастра. Он—творение и служитель Агура-Мазды, он сторожит людей ночью и своим пенем прогоняет привидения и злых духов, дэвов, служителей Аримана».

Таким образом, крепость в Самебе существовала еще до распространения в Закавказье зороастризма, что имело место в IV и V вв. нашей эры. Легенда, переданная Такайшвили, является далеким отголоском борьбы, которая происходила в эпоху проникновения зороастризма в Грузию. К сожалению, Такайшвили, принадлежавший к старой школе археологов, занимавшейся преимущественно церковной археологией и средневековой эпиграфикой, не обратил достаточного внимания на циклопические сооружения вершины Самебы и фактически прошел мимо них. Во всяком случае, из приведенной Такайшвили легенды можно смело утверждать, что в Закавказье циклопические сооружения продержались вплоть до глубокого проникновения в Грузию и Армению персов и византийцев, а в некоторых районах, в Артануче, вплоть до арабского завоевания (VIII в.).

Таким образом, закавказские циклопические сооружения обнимают огромный промежуток времени, исчисляемый в несколько тысячелетий; их существование зафиксировано халдскими надписями, притом в достаточно дифференцированном виде, а именно, как крепости-города, замки и как крепости-убежища. Подобная диффе-

ренциация могла быть результатом лишь длительной эволюции. Поэтому без особой натяжки возникновение циклопических крепостей и сооружений можно смело отнести не только ко II, но, возможно, даже к III тысячелетию до нашей эры.

В Закавказье имеется ряд городищ, которые своими корнями восходят к мегалитической эпохе, предшествовавшей эпохе проникновения халдов в пределы Центрального Закавказья (X—VI вв. до нашей эры). К числу подобных городищ необходимо в первую очередь отнести Самшвильдэ. Городище Самшвильдэ расположено в 65—70 км к юго-западу от Тбилиси и в 6—7 км от Ак-Булаха (Белого Ключа), район которого изобилует остатками старины, в частности циклопическими сооружениями и мегалитическими памятниками. Кроме двух менгиров, из которых один христианизирован и связан с культом божьей матери, в Самшвильдэ находится весьма любопытный тетралит, сложенный из четырех каменных глыб крупных размеров и достигающий $3\frac{1}{2}$ м высоты. Тетралит находится на обрыве, служащем северным склоном глубокого каньона, прорытого р. Храм, в метрах 200 от великолепного замка, замыкающего длинный полуостров, образованный каньонами р. Храм и его притока—Чинчива. Крепостная кладка стен замка—различного типа и относится к различным же эпохам. Внизу, служа как бы основанием, постоянно встречается великолепная кладка из огромных каменных глыб. Кладка эта может служить образцом для кладки циклопических сооружений. Лет тридцать назад стена, шедшая параллельно каньону р. Храм, замыкалась воротами, состоявшими из огромных каменных плит. Ворота эти и угловая башня крепости были засняты в 1892 г. и воспроизведены в работе А. С. Х а х а н о в а, посвященной Самшвильдэ (см. «Материалы по археологии Кавказа», вып. 7, Москва, 1898). В настоящее время ворота эти разобраны. О циклопической кладке самшвильдэской крепости говорил уже Вахушти.

Самшвильдэ—одно из древнейших поселений Грузии. В тех частях грузинских хроник, которые были написаны в X и XI вв. (Теон-

Рис. 15. Тетралит, стоящий над каньоном р. Храм в полуторах метрах от замка Самшвильдэ

тий Мровели), основание Самшвильдэ относится к легендарному родоначальнику Грузии Картлосу. В числе основных подразделений Грузии—эриставств, созданных легендарным царем Фарнаозом (IV в. до нашей эры), хроники называют эриставство Самшвильдэ, первоначально носившее название Орбети. Местоположение Самшвильдэ чрезвычайно характерно: городище занимает длинный и узкий мысок, образованный слиянием двух рек—Храма (Кци) и Чинчивы. Подобное местоположение в Закавказье было излюбленным для создания укреплений или убежищ уже в очень отдаленные времена. Так, во время отступления Десяти Тысяч таохи, жившие к северу от Аракса (верхнее течение которого носило название Фазис, а долина, расположенная в нем, всегда именовалась у грузин Баспани, у армян Базеан, или Базен, у византийцев—Фазнана, у турок—Пассин), укрылись во время прохождения греков через их области в местности, не окруженной водой лишь с одной стороны (см. «Анабазис» К с е н о ф о н т а, кн. IV, гл. VII, § 2). Аналогичное местоположение занимают знаменитые развалины города Ани (на слиянии рек Арпачая и Аладжи, древнее городище Дманиси, раскопанное в прошлом году проф. И. А. Джавახишвили и В. Мусхелишивили; город Дманиси был, повидимому, известен Птоломею) и, наконец, ряд замков и крепостей, носящих название Хертвиси, расположенных на мысках, образованных слиянием двух рек.

Развалины и памятники древности, находящиеся в Самшвильдэ, представляют огромный интерес. Помимо уже вышеупомянутых мегалитических памятников, там находятся развалины церквей VII и X вв. и остатки удивительной крепости, отразившей в своей кладке ряд эпох. Наконец, в Самшвильдэ имеется ряд еще совершенно никем не обследованных пещер, расположенных, главным образом, на чрезвычайно крутом склоне каньона р. Храм, обращенном к югу.

Систематические исследования Самшвильдэ и раскопки, произведенные в нем, дадут, вне всякого сомнения, богатый материал, могущий осветить не только далекое прошлое Грузии, но и всего Центрального Закавказья.

* * *

Иллюстрации и фотографии 1—4 заимствованы из монографии Е. В. Фелицына «Западнокавказские долмены», «Материалы по археологии Кавказа», том IX; 5—7 и 9 засняты в 1926 г. студентом этнологического факультета 1-го МГУ Н. В. Басилашвили, участником экспедиции, возглавлявшейся В. Н. Худаловым; 8 взята из труда Уваровой, «Кобанские древности», «Материалы по археологии Кавказа», том X; 10 и 11—из монографии Сысоева с рисунками Е. Д. Фелицына и Г. Е. Куликовского—«Поездка на реки: Зеленчук, Кубань и Теберду», «Материалы по археологии Кавказа», том VII; 12 и 13 засняты по указаниям В. Н. Худалова тбилиским фотографом И. И. Панфиловым летом 1936 г.; 14 заснята фотографом т. Пароньяном в городе Герюсы; 15 заснята по указаниям В. Н. Худалова тбилиским фотографом И. И. Панфиловым летом 1936 г.

R É S U M É

Les monuments mégalithiques sont très répandus au Caucase. On trouve des dolmens sur la côte de la Mer Noire de Novorossijsk jusqu'à Soukhoun, dans le bassin du fleuve Kouban, au Talych (sur la Mer

Caspienne), dans les régions d'Akhalkalak, de Tzalka (sur la Ktzia supérieure), de Mzkheta (Georgie), du lac Sevan (Arménie) etc. Les menhirs sont très nombreux dans la partie occidentale du Caucase du Nord et dans les régions du Zanguezour, d'Akhalkalak, de Tzalka, d'Akh-Boulak, de l'Alagheuz etc. Les forteresses cyclopiques sont très répandues dans la Transcaucasie. Quelques-unes de ces forteresses sont bâties sur les grandes hauteurs atteignant parfois 2 750 mètres au-dessus du niveau de la mer, par exemple les forteresses du Petit Aboul et de Ker-Ogly (région d'Akhalkalak). Les forteresses cyclopiques de la Transcaucasie remontent aux époques khaldiennes (IX—VI s.s. avant-notre ère) et prékhaldienne. Les dolmens de la côte de la Mer Noire remontent aux XII—XIV s.s. avant notre ère. Ils ont des formes très évoluées et régulières et sont construits ordinairement ainsi que les dolmens de la Crimée, en dalles plates de grandes dimensions. Au contraire les dolmens du Talych, des régions d'Akhalkalak, de Tzalka etc., sont formés des blocs bruts et ont l'air très primitifs. En général on peut affirmer que les mégalithes caucasiens correspondent à l'âge du bronze et à l'époque énéolithique. Le mégalithe caucasien a une particularité—les vichapes, des statues de poissons de 4 à 5 mètres de hauteur. Le culte des pierres au Caucase présente des analogies frappantes avec le culte rendu aux pierres dans l'Europe occidentale, notamment en France. La christianisation des menhirs est plus répandue au Caucase qu'ailleurs.

